

Житие священномученика Фаддея, архиепископа Тверского и Кашинского

Архиепископ Фаддей (в миру Иван Васильевич Успенский) родился 12 ноября 1872 года в селе Наруксово Лукоянского уезда Нижегородской губернии в семье священника Василия и жены его Лидии, у которых было семь сыновей и две дочери. Дед будущего владыки тоже был священником, и домашние почитали его как сугубого молитвенника, как человека, имевшего глубокую веру и любящее, кроткое и снисходительное сердце. Из всех внуков дедушка больше других любил Ивана, которого называл архиереем.

После окончания Нижегородской Духовной Семинарии Иван Успенский поступил в Московскую Духовную Академию. В то время ректором академии был архимандрит Антоний (Храповицкий), с которым Иван сблизился и впоследствии подружился. Архимандрит Антоний воздействовал на студентов академии не столько строгостью, сколько личным примером. Он являл в себе образец ученого монаха и христианского пастыря. Многие студенты тянулись к нему как к отцу, который мог разрешить вопросы не только духовные, но и материальные: к нему без стеснения обращались и за материальной помощью ([1], с. 196).

Есть люди, от детства и юности предуставленные Богом к особому рода служению, которых благодать Божия хранит и уготовляет к этому служению. Таким был и Архиепископ Фаддей. От юности его душа стремилась к Богу, упорно сопротивляясь страстям. От тех лет сохранились его дневники, которые он вел ежедневно, и в них, как в зеркале, отразилась борьба души за красоту нетленную, вечную. Нежная душа его, сохранившая детскость и простоту, стремилась лишь к любви к Богу и безупречному исполнению Его заповедей. Юноша зорко следил за моментами ослабления этой любви, скорбя об охлаждении и душевной расслабленности, и вновь и вновь обращался за помощью к Богу. Дневник велся ежедневно, и ежедневно в нем подводился итог как внешним делам, так и внутреннему, духовному состоянию. Через несколько лет, таким образом, стало возможным сравнивать каждый текущий день с тем, как он был проведен год назад или ранее.

Во время учебы в Московской Духовной Академии Иван, по благословению ректора, стал обращаться за духовными советами к иеромонаху Герману, известному старцу, подвизавшемуся в Гефсиманском скиту при Троице-Сергиевой Лавре. Отец Герман был высокий, благообразного вида старец, с белым, редко улыбающимся лицом.

Весной, по окончании 4 курса Московской Духовной Академии, Иван ездил на каникулы домой, в Нижний Новгород. Перед отъездом, по заведенному обычаю, он зашел к отцу ректору. После краткой беседы, прощаясь, отец ректор посмотрел на его худобу и шутливо сказал: — А вы поправляйтесь, будете архимандритом или епископом.

Дома Иван переговорил с отцом относительно выбора пути: не стать ли ему священником? Говорили о трудностях и особенностях священнического служения. В частности, Иван спросил отца, есть ли в Нижегородской епархии неженатые священники. Выяснилось, что нет ни одного. Иван сказал, что ему все говорят о монашестве.

— Ну что ж, — ответил отец. — монашество дело хорошее, но его нужно принимать обдуманно, зная, что принимаешь его добровольно и навсегда.

— Но в монашестве человек отделяется от людей, так как монах закрыт в стенах монастыря.

— Нет, он не отделен от людей, только он служит людям особым образом.

Прощание с домашними перед отъездом было, как всегда, трогательным. В этот день он сказал матери, что при каждом прощании он оставляет, кажется, более, чем прежде. За обедом говорил с отцом и матерью, с братом Александром о значении внешних подвигов, особенно связанных с оставлением семьи; для некоторых внешние подвиги есть единственный путь к устроению духовной жизни... Спаситель иногда требовал, чтобы желающие следовать за Ним немедленно оставляли дом.

В тот же день после чая и краткой молитвы Иван поблагодарил всех, попрощался и выехал в Москву. Молитвенное воспоминание соединилось со скорбным чувством разлуки с любимыми домашними, которая со временем должна была стать окончательной. В академии его ждали ученые занятия, но главное — тот же подвиг, та же молитва, неусыпная работа над своей душой ([1], с. 199-200).

Обязательные проповеди в академии Иван составлял подолгу, старался быть в изложении мыслей точным, избегать безжизненности и в то же время внешнего красноречия. При природном стремлении его к правде проповеди получались искренними, несущими отпечаток личного опыта. Их с интересом слушали, отмечая, что в них ощущается монашеский, аскетический дух.

18 января 1895 года Троице-Сергиеву Лавру посетил протоиерей Иоанн Кронштадтский. Иван впервые увидел его и, по обыкновению, бывшему за службами отца Иоанна, причащался Святых Таин со многими студентами академии. Он писал в дневнике:

"За благодарственной молитвою видеть пришлось выражение лица, которое со смущением только вместил слабый ум ...это было лицо ангела! Здесь одно небесное житие и нет ничего земного. Умиленное славословие и благодарение о неизреченном даре, значение которого он так ясно понимал и видел... За обедней о сие речи не было и от прочего был храним в молитве с о. Иоанном, которого образ не выходил из ума ... сознавая о недостойности причащения, которое восполнить могла только молитва о. Иоанна..." ([1], с. 200). В 1896 году Иван окончил Московскую Духовную Академию.

В августе 1897 года ректором академии архимандритом Лаврентием Иван был пострижен в монашество с наречением ему имени Фаддей и рукоположен в сан иеродиакона епископом Тобольским и Сибирским Агафангелом в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре.

21 сентября преосвященным Нестором, епископом Дмитревским, иеродиакон Фаддей рукоположен в иеромонаха и назначен преподавателем Смоленской Духовной Семинарии. В 1890 году иеромонах Фаддей был переведен в Уфимскую Духовную Семинарию. Здесь за диссертацию "Единство книги пророка Исаии" он получил степень магистра богословия. В 1902 году он был назначен инспектором, а затем — ректором той же семинарии с возведением в сан архимандрита, а через год — ректором Олонецкой Духовной Семинарии.

В 1902 году им была написана книга "Записки по дидактике", которая стала основой духовной педагогики. В 1908 году архимандрит Фаддей написал большое исследование под заглавием "Иегова", за которое ему была присуждена степень доктора богословия ([1], с. 201).

21 декабря 1908 года архимандрит Фаддей был хиротонисан во епископа Владимиро-Волнынского, викария Волынской епархии. Став епископом, он не изменил взятому на себя подвигу, сурово постился и много молился, всю свою жизнь вверив Богу. Пасомые сразу почувствовали в нем человека святой жизни, образец кротости, смирения и чистоты. Жил он сначала во Владимире Волынском, а затем в Житомире, при кафедральном соборе.

В феврале 1917 года епископ Фаддей получил временное назначение во Владикавказ в помощь епископу Антонину (Грановскому), который в это время тяжело заболел белокровием и не мог управлять епархией. Получив назначение, епископ Фаддей в конце февраля отправился в путь. Начиналась гражданская смута. Железнодорожники бастовали, солдаты останавливали и захватывали поезда. С большим трудом епископ Фаддей добрался до Владикавказа. Приехав в город, он прямо с вокзала отправился в собор и отслужил литургию.

Епископ Фаддей неустанно учил паству оправдывать жизнью христианское звание и спасаться через православную веру. Это было чрезвычайно важно для населения российской окраины.

В 1917 году Волынь оккупировали поочередно то немцы, то поляки, то петлюровцы. В 1919 году архиепископ Евлогий (Георгиевский), управляющий Волынской епархией, был вне епархии, и епископ Фаддей стал правящим архиереем этой епархии, ввергнутой тогда во все ужасы оккупации, междуусобицы и разрушения. В это трудное время он духовно окормлял и поддерживал свою многотысячную паству. Для населения города его пребывание на архиерейской кафедре в столь тяжелое время было большим утешением. В его лице жители получили бесстрашного защитника всех, кого несправедливо преследовали в то время власти. Самому епископу пришлось претерпеть тогда много скорбей, особенно при власти петлюровцев: они требовали от него, чтобы он вел всю служебную

переписку с ними на украинском языке, от чего епископ категорически отказался, несмотря на угрозы быть изгнанным за пределы Украины.

Владыка Фаддей был арестован. Сразу же после его ареста православные жители города Житомира написали заявление в Волынскую ЧК с просьбой отпустить владыку. Они писали:

"Епископ Фаддей много лет известен в городе Житомире, где нет храма, в котором бы он не богослужил и не проповедовал. Нам известна и его личная жизнь как молитвенника и пастыря. Никогда епископ Фаддей не вмешивался в политику, ничего не предпринимал против советской власти, ни к чему противозаконному никого и никогда не призывал.

Арест епископа Фаддея весьма тревожит все православное население города и его окрестностей, каковое волнуется тем, что лишено возможности молиться со своим любимым архиереем и пользоваться его духовным руководством.

Все мы ручаемся в том, что епископ Фаддей стоит вне политики, и просим освободить его из заключения под вашу ответственность".

Православными была избрана делегация из шести человек, которой было поручено объясняться с властями [4]. Но власти не отпустили епископа, но перевели его в Харьковскую тюрьму.

Сопровождавший владыку начальник секретного отдела Волынской ЧК Шаров, понимая, насколько неубедительны обвинения против епископа, 19 февраля 1922 года подал свое особое мнение: "Епископ Фаддей, как высшее духовное лицо в Волыни... действовавший, безусловно, во вред советской власти, ни в коем случае не может быть возвращен на Волынь. Со своей стороны считал бы его политически неблагонадежным; как находящегося на Волыни более пятнадцати лет и пользующегося большим авторитетом среди местного населения выслать из пределов Украины в распоряжение высшего духовенства РСФСР под негласное наблюдение местных органов ЧК" [3].

25 февраля ВУЧК, рассмотрев дело епископа Фаддея, постановила: Гражданина Успенского И. В. "выслать в административном порядке с правом жительства только в одной из центральных северных губерний РСФСР и Западной Сибири со взятием подписки о регистрации в органах ЧК" ([5], л. 10).

9 марта 1922 года епископ Фаддей был освобожден из Харьковской тюрьмы и на следующий день выехал в Москву. По прибытии в Москву он сразу пошел к Патриарху Тихону. Рассказав об обстоятельствах своего "дела" и о том, что его выслали из Украины и вряд ли допустят обратно, он просил Патриарха определить его на кафедру в один из волжских городов, поскольку сам он родился в Нижнем Новгороде. Находясь в Москве, Архиепископ Фаддей принимал деятельное участие в работе Священного Синода при Патриархии. Служил владыка большей частью на Валаамском подворье. Он часто проповедовал, причем к

проповедям готовился с великим тщанием, стараясь, чтобы каждое слово было произнесено от сердца, основано на опыте, было растворено благодатью, внешне не имело лишнего, но было точно, образно и доходчиво.

В марте месяце 1922 г. большевики приступили к изъятию церковных ценностей. Началось новое гонение на Православную Церковь. Патриарх Тихон переехал из Троицкого подворья в Донской монастырь, где вскоре он был арестован. Управление Православной Церковью Патриарх передал митрополиту Агафангелу (Преображенскому). Лишенный властями возможности переехать для управления Церковью в Москву, митрополит составил воззвание к российской пастве. Два экземпляра воззвания были переданы им через ехавшего в Москву священника Архиепископу Фаддею и протопресвитеру Димитрию Любимову. Архиепископ Фаддей был обвинен в том, что он способствовал печатанию воззвания. Владыка все обвинения категорически отверг. В сентябре 1922 года по "делу" Архиепископа было составлено обвинительное заключение: "...распространением нелегально изданных посланий митрополита Агафангела проявил враждебное отношение к советской власти и, принимая во внимание его административную высылку из пределов УССР за контрреволюционную деятельность... Успенского, как политически вредный элемент, подвергнуть административной высылке сроком на один год в пределы Зырянской области" ([1], с. 206).

Из Москвы Архиепископа Фаддея перевезли вместе с митрополитом Кириллом (Смирновым) по Владимирскую тюрьму. Митрополит Кирилл так вспоминал об этом:

"Поместили в большую камеру вместе с ворами. Свободных коек нет, нужно располагаться на полу, и мы поместились в углу. Страшная тюремная обстановка среди воров и убийц подействовала на меня удручающе... Владыка Фаддей, напротив, был спокоен и, сидя в своем углу на полу, все время о чем-то думал, а по ночам молился. Как-то ночью, когда все спали, а я сидел в тоске и отчаянии, владыка взял меня за руку и сказал: "Для нас настало настоящее христианское время. Не печаль, а радость должна наполнять наши души. Сейчас наши души должны открыться для подвига и жертв. Не унывайте. Христос ведь с нами".

Моя рука была в его руке, и я почувствовал, как будто по моей руке бежит какой-то огненный поток. В какую-то минуту во мне изменилось все, я забыл о своей участи, на душе стало спокойно и радостно. Я дважды поцеловал его руку, благодаря Бога за дар утешения, которым владел этот праведник" ([8], с. 302-303).

Передачи владыке в тюрьму собирала Вера Васильевна Трукс. Архиепископ Фаддей целиком отдавал их старосте камеры, и тот делил на всех. Но однажды, когда "поступила обычная передача, — вспоминал митрополит, — владыка отделил от нее небольшую часть и положил под подушку, а остальное передал старосте. Я увидел это и осторожно намекнул владыке, что, дескать, он сделал для себя запас. "Нет, нет, не для себя. Сегодня придет к нам наш собрат, его нужно покормить, а возьмут ли его сегодня на довольствие?"

Вечером привели в камеру епископа Афанасия (Сахарова), и владыка Фаддей дал ему поесть из запаса. Я был ошеломлен предсказанием и рассказал о нем новичку" ([8], с. 303).

Не только продукты раздавал владыка в тюрьме, но и все, что получал из одежды или из постельных принадлежностей. Епископу Афанасию владыка отдал подушку, а сам спал, положив под голову руку. Одному из заключенных он отдал свои сапоги и остался в шерстяных носках. Предстоял этап. С воли передали ему большие рабочие ботинки со шнурками. На этапе, неподалеку от Усть-Сысольска, у него развязался шнурок на ботинке, он остановился и немного, пока управлялся со шнурком, поотстал. Один из конвоиров со всей силы ударил Архиепископа кулаком по спине, так что тот упал, а когда поднялся, то с большим трудом смог догнать партию ссыльных ([8], с. 307).

В тюрьме Архиепископом Фаддеем и митрополитом Кириллом были составлены ответы на насущные тогда для православных вопросы, касающиеся обновленцев ([1], с. 206).

В ссылке Архиепископ Фаддей поселился в поселке, где вместе с ним были митрополит Кирилл (Смирнов), архиепископ Феофил (Богоявленский), епископы Николай (Ярушевич), Василий (Преображенский) и Афанасий (Сахаров).

Летом 1923 года срок ссылки закончился и архиепископ Фаддей уехал в Волоколамск под Москвой. Здесь он жил, а служить ездил в московские храмы.

Осенью 1923 года церковно-приходской совет при Астраханском кафедральном Успенском соборе, состоящий из представителей всех православных обществ города Астрахани, направил прошение Патриарху Тихону, в котором подробно описывалось положение православных в епархии.

"В последние годы Астраханская епархия находилась под управлением викарного епископа Анатолия, который в августе месяце прошлого года вступил, по его словам, по тактическим соображениям, в группу "Живая Церковь" и образовал при себе управление из принадлежащих к той же группе живоцерковников. Большая часть духовенства города Астрахани и епархии не признала группу "Живая Церковь" и не подчинялась распоряжениям этого епархиального управления, хотя и не прерывала канонического общения с епископом Анатолием, так как он на словах не сочувствовал названной группе и не отказывался, когда изменятся обстоятельства, выйти из ее состава. Но когда 10 июня сего года общегородское собрание духовенства и мирян города Астрахани после категорического требования епархиального управления и епископа под угрозой всевозможных репрессий немедленно признать собор 1923 года и Высший Церковный Совет, единодушно постановило не считать собор 1923 года каноничным, не признавать его постановлений и не подчиняться Высшему Церковному Совету, то епископ Анатолий, несмотря на двукратное приглашение, не только не явился на это собрание, но решительно отказался присоединиться к постановлению собрания и заявил посланной к нему делегации, что он считает это собрание бун-

тарским против собора. Тогда собрание тотчас же единогласно постановило считать его отпавшим от Православной Российской Церкви, прервать с ним каноническое общение, не считать его иерархической главой своих общин и немедленно вступить в каноническое общение с другим православным епископом... Но епископ Анатолий тотчас после собрания запретил большинство астраханского духовенства в священнослужении, а на днях одиннадцать священнослужителей получили извещения от Епархиального Управления, что постановлением Высшего Церковного Совета они лишены священного сана с признанием их пребывания в Астраханской епархии вредным и с назначением их местопребывания в Веркольском монастыре Астраханской епархии. Не признавая такого постановления законным и обязательным для себя и не подчиняясь ему, духовенство и миряне города Астрахани и епархии, оставшиеся верными истинному Православию и Российской Церкви, сыновне и почтительнейше просят Ваше Святейшество возглавить Астраханскую епархию истинно православным епископом, чтобы под его архипастырским водительством разьединенное православное население могло соединиться во едино стадо Христово и твердо стоять на страже истинного Православия" ([6], с. 192-193).

Патриарх Тихон внимательно прочитал это прошение. Слова "не признавая такого постановления законным и обязательным для себя и не подчиняясь ему" он подчеркнул и написал свою резолюцию: "Постановления незаконны".

Вскоре состоялось заседание Священного Синода под председательством Патриарха Тихона, который, рассмотрев прошение православных астраханцев, постановил: "Предложить Высокопреосвященному Фаддею немедленно выбыть из Москвы к месту своего служения" ([6], с. 193).

20 декабря 1923 года Архиепископ Фаддей выехал в Астрахань. Ехал он без сопровождения, в старенькой порыжевшей рясе, с небольшим потрепанным саквояжем и с узелком, где были зеленая жестяная кружка и съестной припас, к которому, впрочем, он не притронулся. Всю дорогу Архиепископ Фаддей или читал, поднимая книгу близко к глазам, или молча молился, или дремал. Когда подъезжали к городу, стал слышен колокольный звон. Только лишь поезд остановился, купе заполнилось встречавшим архиепископа духовенством. Все подходило к нему под благословение, искали глазами багаж и с удивлением обнаруживали, что никакого багажа у Архиепископа не было.

Владыка смутился торжественностью встречи; выйдя на перрон, он смутился еще больше, увидев толпу встречающих, а на вокзальной площади — людское море. У вокзала Архиепископа ожидала пролетка, но она не смогла проехать через толпу, и он в окружении людей пошел пешком. Расстояние до церкви было небольшое, но потребовалось около двух часов, чтобы дойти до нее. Моросил мелкий холодный дождь, было грязно, но это нисколько не смущало Архиепископа. Около одиннадцати часов дня он дошел до храма, и началась литургия. Был воскресный день, праздник иконы Божией Матери "Нечаянная Радость". Облачение для владыки нашли с трудом, потому что оно хранилось в богатой ризнице кафедрального собора, захваченного обновленцами. Облачение

привезли из Покрово-Болдинского монастыря, оно принадлежало архиепископу Тихону (Малинину). Мантия принадлежала замученному в 1919 году епископу Леонтию (Вимпфену), ее отыскивали у одного из монахов Иоанно-Предтеченского монастыря; посох принадлежал замученному в 1919 году архиепископу Митрофану (Краснопольскому). Литургия закончилась в три часа дня, но до пяти часов вечера он благословлял молившихся в храме и собравшейся вокруг храма народ. Ему показали могилы расстрелянных в 1919 году священномучеников Митрофана и Леонтия, и он часто потом приходил сюда служить панихиды.

Сразу же по приезде какие-то сердобольные старушки принесли владыке чуть ли не дюжину только что сшитого белья; староста храма святого князя Владимира, заметив на ногах владыки старенькие, с заплатками сапоги, принес ему хорошую теплую обувь. Все это владыка немедленно раздал нищим. Жил архиепископ в двух комнатах. В первой стоял простой сосновый стол, покрытый цветной клеенкой, три или четыре стула, на двух окнах — кисейные занавески, в углу — образа с полотенцами на киотах. Во второй комнате находилась железная кровать, покрытая серым байковым одеялом. Первая комната служила столовой, приемной и кабинетом, вторая — спальней. Дом находился недалеко от Покровской церкви. Каждое утро и каждый вечер владыка шел одной и той же дорогой, через парк, в храм. Каждый раз здесь Архиепископа встречали люди, чтобы идти в храм вместе с ним. И долго-долго потом эта дорога называлась "Фаддеевской".

Где бы Архиепископ ни жил, он не имел ничего своего. Давали ему чай или обед — он пил и ел, если не давали — не спрашивал. Он всегда считал себя гостем и зависимым от того, кто ему прислуживал и помогал.

Архиепископ Фаддей приехал в разгар обновленчества. У православных осталось десять церквей; обновленцы захватили девять церквей и два монастыря и намеревались захватить остальные. Делали они это так. Обновленческие священники ходили по домам. Войдя в дом, спрашивали: "Ты, бабушка, слыхала, как ругают живоцерковников, а ведь это несправедливо. Они лучше, чем староцерковники. Чтобы помянуть родственников о здравии или за упокой, тебе надо идти в церковь, подавать записку, платить деньги, а вот мы будем поминать всех бесплатно. Говори, кого записать?" ([6], с. 194).

Люди перечисляли имена, обновленцы тут же уточняли фамилии, и затем эти списки подавались властям как подписи под прошениями о передаче храмов обновленцам. Власти, в свою очередь, спешили передать эти храмы обновленцам. Затем, спустя какое-то время, обновленцы отдавали эти храмы властям для закрытия, как не имеющие прихожан.

В конце мая к Архиепископу Фаддею пришел Аркадий Ильич Кузнецов, духовный сын владыки, юрист по профессии.

— Вот хорошо, что Вы пришли, — сказал Архиепископ. — Давайте подумаем, что делать с обновленцами. Заберут они все наши храмы. Я думаю, надо бы подать жалобу в Москву и поехать с ней Вам и представителям от Церкви.

Перед отъездом Архиепископ Фаддей вручил Аркадию Ильичу письмо на имя Патриарха Тихона, к которому нужно было зайти, прежде чем идти с жалобой к правительственным чиновникам. Патриарх принял их.

— Вы от Астраханского Архиепископа Фаддея? — спросил Патриарх. — Владыка пишет мне о Вас, просит оказать содействие.

Патриарх расспросил, как живет Преосвященный Фаддей, как себя чувствует, как относятся к нему верующие, и, не ожидая ответа, продолжил:

— Знаете ли Вы, что владыка Фаддей святой человек? Он необыкновенный, редкий человек. Такие светильники Церкви — явление необычайное. Но его нужно беречь, потому что такой крайний аскетизм, полнейшее пренебрежение ко всему житейскому отражается на здоровье. Разумеется, владыка избрал святой, но трудный путь, немногим дана такая сила духа. Надо молиться, чтобы Господь укрепил его на пути этого подвига" ([6], с. 194).

В августе 1924 года Патриарх Тихон пригласил Архиепископа Фаддея приехать в Москву на праздник Донской иконы Божией Матери. Владыка выехал в сопровождении келейника и А.И. Кузнецова. Выехали из Астрахани 29 августа, намереваясь приехать в Москву утром 31 августа, чтобы вечером участвовать в праздничном богослужении. Но поезд опоздал на сутки, и они прибыли только вечером 1 сентября, когда торжества по случаю праздника закончились. 3 сентября у Архиепископа Фаддея был день Ангела; он служил литургию в храме Донской иконы Божией Матери, а по окончании ее Патриарх Тихон пригласил его к себе.

— Я знаю, Вы, владыка, не любите торжественных приемов и многолюдных трапез, — сказал Патриарх. — Я пригласил вас на скромный завтрак, тем более что хочу видеть Вас в самой простой, келейной обстановке.

Во время завтрака Патриарх сказал теплое, сердечное слово в адрес именинника, назвал владыку светочем Церкви, чудом нашего времени.

В ответ Архиепископ Фаддей сказал об исповеднической деятельности Патриарха, о его мужестве в деле управления Церковью. "Я молюсь Богу, чтобы Он сохранил Вашу драгоценную жизнь для блага Церкви", — сказал он. При этих словах Патриарх прослезился ([6], с. 195).

За трапезой владыка Фаддей неоднократно начинал разговор об обновленцах, но всякий раз Патриарх махал руками! "Ну их, ну их..." — и переводил разговор на другие темы, не имеющие отношения к практическим делам. Святейшему, по-видимому, хотелось, оставив на время все докучливые ежедневные заботы,

утешиться в обществе владыки и самому духовно утешить его, тем более что официальные дела, связанные с обновленцами, разрешить практически было нельзя. Господь их попустил за прошлые грехи многих, и теперь оставалось только терпеть.

Когда завтрак подошел к концу, Патриарх позвонил своему келейнику и что-то тихо сказал ему. Тот вышел и вскоре вернулся со свертком.

— Ну вот, Преосвященнейший, — сказал Патриарх, — Вам именинный подарок — по русскому обычаю. Это облачение, причем красивое и сшитое по Вашей фигуре. Хотел подарить отрезом, да ведь вы такой человек — все равно... кому-нибудь отдадите... Да... тут еще мантия, ведь ваша-то, поди, старенькая...

Архиепископ, принимая подарок, собирался было поблагодарить Патриарха, но тут сверток выскользнул, и из него выпал небольшой красный бархатный футляр.

— Да, тут еще маленькое прибавление... Как это я забыл сказать о нем, — широко улыбаясь, сказал Патриарх.

Архиепископ Фаддей открыл футляр. В нем был бриллиантовый крест на клобук ([6], с. 196). Подарок Святейшего был кстати. Астраханский владыка в этом отношении почти не заботился о себе. Он ходил в старенькой залатанной рясе, в стареньких, чиненых сапогах, имел одно облачение и одну митру, но всегда был готов сказать слово утешения другому, оказать ему помощь, выслушать его. Зная, что Архиепископ принимает в любое время, некоторые пользовались этим и приходили к нему рано утром. Владыка вставал с постели, наскоро умывался, одевался и безропотно принимал посетителя.

После смерти Патриарха Тихона в 1925 году обновленцы, добиваясь участия православных епископов в обновленческом соборе, обратились к Архиепископу Фаддею с приглашением принять участие в работе по подготовке собора. Владыка ответил: "Имею честь сообщить, что на принятие участия в организационной работе по созыву третьего Всероссийского Поместного собора я не имею канонически законного полномочия" ([6], с. 196).

За все время своего пребывания в Астрахани Архиепископ Фаддей ни одного слова не сказал против обновленцев публично, но пример его личной жизни был красноречивее любых слов. Идеолог обновленчества в Астрахани священник Ксенофонт Цендровский, принося публично покаяние в грехе раскола, сказал:

— Долго я коснел в грехе обновленчества. Совесть моя была спокойна, потому что мне казалось, что я делаю какое-то нужное и правое дело. Но вот я увидел владыку Фаддея; я смотрел на него и чувствовал, как в душе моей совершается какой-то переворот. Я не мог вынести чистого, проникновенного взгляда, который обличал меня в грехе и согревал всепрощающей любовью, и поспешил уй-

ти. Теперь я ясно сознавал, что увидел человека, которому можно поклониться не только в душе, но и здесь, на Ваших глазах ([6], с. 196).

Нравственное влияние Архиепископа Фаддея на паству было огромное. В домах многих верующих, в переднем углу, вместе с иконами находились фотографии владыки Фаддея ([7], с. 11).

Денег владыка ни от кого не брал, и несколько приходов заботу о материальном его обеспечении взяли на себя. Квартиру, освещение, отопление и другие расходы, связанные с квартирой, оплачивал приход Покровской церкви, пользование пролеткой — приход церкви св. Иоанна Златоуста. Приход церкви св. апостолов Петра и Павла оплачивал расходы на продовольствие, обувь и одежду. Деньги выдавались келейнице владыки Вере Васильевне. Церковь святого князя Владимира покупала материал и оплачивала шитье из него иподиаконских стихарей и архиерейских облачений, хотя сам владыка предпочитал служить в одном и том же ветхом желтом облачении, а летом в белом полотняном ([6], с. 198).

В управлении Астраханской епархией Архиепископ Фаддей почти устранился от административной части. У него не было канцелярии. Была только именная печать для ставленнических грамот и указов о назначениях и перемещениях. За всю свою архиерейскую деятельность владыка ни на кого не накладывал дисциплинарных взысканий: никто не слышал от него упрека или грубого слова, сказанного в повышенном тоне. формуляров на духовенство не велось после того, как во время революции была уничтожена консистория. Да и не было у Архиепископа времени для ведения канцелярских дел. Утром и вечером — служба в церкви, днем — прием посетителей, постоянно толпившихся на лестнице, в коридоре и во дворе. Какой-то сельский священник, узнав о простоте приема посетителей Архиепископом, пришел к нему прямо с парохода в шесть часов утра. И был принят. Священнику пришлось ждать всего минут десять, пока владыка умывался.

Соборным храмом служила Архиепископу Фаддею церковь святого князя Владимира, которая вмещала несколько тысяч верующих. В храме св. апостолов Петра и Павла он служил воскресные всенощные и читал акафист святителю Николаю Чудотворцу. Покровская церковь стала для него Крестовой церковью; в ней он бывал ежедневно и почти ежедневно служил литургию. Постом Архиепископ Фаддей любил служить в единоверческой церкви. Все знали, что каждый день владыка где-нибудь служит. Но были у него постоянно заведенные богослужения. В церкви св. апостолов Петра и Павла он служил всенощную каждую среду, в четверг — акафист святителю Николаю Чудотворцу, в пятницу — акафист Божией Матери в Покровской церкви, в воскресенье — акафист Спасителю в Князь-Владимирском соборе. После службы он проводил беседы; в церкви св. апостолов Петра и Павла разъяснял Новый Завет, начиная с Евангелия от Матфея и кончая Апокалипсисом. В церкви стояла глубокая тишина и какой-то проникновенный покой. После акафиста в Покровской церкви по пятницам Архиепископ Фаддей разъяснял Ветхий Завет, а после акафиста в воскресенье предлагал жития святых дня. Проповеди он говорил за каждой литургией, даже

и тогда, когда бывал нездоров. В Астрахани владыка произнес более трехсот проповедей и поучений, не считая многочисленных бесед после акафистов, когда он разъяснял Священное Писание, но записей речей он не хранил ([8], с. 337). Обычно их брал себе ключарь прот. Д. Стефановский или переписчицы. Они снимали с них копии и передавали какому-нибудь почитателю владыки [9].

Особый интерес представляет краткое нравственно-назидательное сочинение Архиепископа Фаддея, имеющееся в архиве архиепископа Тверского и Кашинского Виктора, под заглавием: "24 зерна истинного разума, собранные из духовной сокровищницы Священного и священно-отеческого Писания для желающих себе духовной пользы" [10].

29 октября 1926 года был арестован Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей (Страгородский). В права Местоблюстителя вступил архиепископ Ростовский Иосиф (Петровых). 8 декабря он издал распоряжение, в котором назначил заместителей по управлению Церковью архиепископов: Екатеринбургского Корнилия (Соболева), Астраханского Фаддея (Успенского) и Угличского Серафима (Самойловича). Архиепископ Иосиф вскоре был арестован. Архиепископ Корнилий был в ссылке и не мог выполнить возложенное на него поручение, и посему в середине декабря Архиепископ Фаддей выехал из Астрахани в Москву, чтобы приступить к исполнению возложенных на него обязанностей по управлению Церковью. В Саратове он был, по распоряжению Тучкова, задержан и отправлен в город Кузнецк Саратовской области, покидать который ему было запрещено. Только в марте 1928 года власти разрешили ему выехать из Кузнецка. Митрополит Сергей, освобожденный к тому времени из тюрьмы, назначил его архиепископом Саратовским.

Рассказывают, что однажды, когда Волга вышла из берегов, грозя затопить дома и поля, крестьяне пришли к Архиепископу Фаддею просить о помощи. Он вышел вместе с народом на берег реки, отслужил молебен, благословил воду, и после этого она начала быстро спадать ([2], с. II).

В ноябре 1928 года владыка Фаддей был переведен в Тверь. Здесь он поселился на тихой улочке в угловом доме с крошечным садом, огороженным высоким деревянным забором. В саду вдоль забора шла тропинка, по которой он подолгу ходил и молился, особенно по вечерам. После молитвы он благословлял на все стороны город и уходил в дом.

Неподалеку от города, в селе Пречистый Бор Архиепископ Фаддей снимал дачу и ездил туда, когда хотел поработать. "Многие думают, что я уезжаю на дачу отдыхать, — говорил он, — а я уезжаю работать и ложусь здесь в три часа ночи. Нужно бы секретаря, но секретаря у меня нет, я все делаю сам". Но и там часто верующие посещали его ([6], с. 199). По свидетельству многих прихожан, владыка обладал даром прозорливости и исцеления. Однажды во время елеопомазания одна девушка говорит другой: — Смотри, одной кисточкой мажет, ведь можно заразиться.

Когда девушки подошли, он помазал их не кисточкой, а другим концом ее с крестиком. Как-то пришла к владыке женщина и сказала:

— К дочке ходил богатый жених и приносил подарки. У нас завтра свадьба. Благословите. — Подождите немного. Подождите две недели, — ответил Архиепископ Фаддей. — Ну, как же подождать, у нас все приготовлено: и колбасы куплены, и вино, и студень наварен.

— Нужно подождать немного, — сказал Архиепископ.

Через две недели приехала жена "жениха" с двумя маленькими детьми и забрала его домой.

Жители Твери — Максимова Вера Ефимовна с мужем — имели в городе два дома и, когда жить стало невмоготу, решили один дом продать, но прежде пошли посоветоваться к владыке. Он выслушал их, помолчал и сказал: "Нет моего благословения продавать этот дом, так как он вам еще очень пригодится. Здесь в городе многое будет разрушено, и дом вам понадобится".

Поскорбели супруги, но решили поступить по его благословию. Пришлось, правда, чтобы как-то прожить, заводить корову и засаживать огород. Во время войны один из их домов сгорел, выгорела улица вокруг дома, который Архиепископ Фаддей не благословил продавать, но их дом уцелел и стал пристанищем для всей семьи.

Вера Ефимовна с мужем были "лишенцами", но их не выселили из Твери в 1929 году потому, что их сын Михаил был в прошлом революционером и в конце 20-х годов занимал крупный партийный пост. В 30-х годах он сошел с ума и был помещен в больницу. Вера Ефимовна поехала к нему в больницу. Сын встал перед ней на колени и умолял взять отсюда. Она вернулась в Тверь и сразу же пошла посоветоваться к Архиепископу Фаддею. Он сказал: "Возьми немедленно: он никому из вас не принесет зла, и терпи его до самой смерти". Супруги сделали так, как благословил владыка. Больной умер во время войны; перед смертью он обратился к Богу, пособоровался и причастился.

Как-то Вера Ефимовна поранила палец, и он у нее очень долго болел. Врачи, видя, что ничто не помогает, предлагали отнять его, но она не согласилась. Однажды, благословляя ее, Архиепископ Фаддей спросил, почему она ходит с завязанным пальцем. Она ответила, что он давно у нее болит и врачи предлагают отнять его. Владыка взял ее за большой палец, три раза сжал, и вскоре палец зажил ([6], с. 199).

Житель Твери Александр Куликов, когда ему было три года, упал и сильно расшибся. В боку образовалась опухоль. Его мать обратилась к хирургу, и тот предложил сделать операцию, хотя сам сомневался в положительном ее исходе. Сильно скорбя, мать понесла мальчика в храм к литургии. Служил Архиепископ Фаддей. Со слезами мать поднесла мальчика ко святой Чаше. Владыка спросил,

о чем она плачет. Выслушав, он сказал, что операцию делать не нужно, надо помазать больное место святым маслом. Она так и сделала, и мальчик вскоре поправился ([6], с. 199-200).

Всех приходящих к нему Архиепископ Фаддей принимал с любовью, не отказывая никому. Он знал, что сейчас время скорбей, и кому, как не архипастырю, утешать свою паству.

Многие, видя его праведную жизнь и веря в его молитвенное предстательство перед Богом, ходили к нему за благословением на те или иные начинания. И он всегда в этих случаях благословлял, определенно говоря "да" или "нет" и никогда не говоря: "Как Бог благословит" ([11], с. 6).

Питался он, как правило, грибным или овощным супом и овощными котлетами; в скоромные дни ему подавали рыбный суп с кусочком рыбы и немного каши. Утром он пил один стакан густого, только что заваренного чая с булочкой, а в скоромные дни булочку намазывал сливочным маслом. Рассказывали, что Архиепископ Фаддей носил вериги, и келейнице не раз приходилось смазывать раны от них. Ради подвига, чтобы не ублажать бренное тело, он не мылся, а только обтирался.

Проповеди владыка говорил за каждой литургией; они были лишены светских примеров и житейских слов: из глубины души он извлекал только тот святоотеческий дух назидания, который жил в нем самом.

По свидетельству всех знавших владыку, в его образе паства видела молитвенника и подвижника, подобного древним русским святым. Каждую среду владыка читал акафист святому Михаилу Тверскому и проводил беседу.

В Твери православные люди любили владыку. Часто его карету сопровождало много верующих, и люди, завидя издали Архиепископа, кланялись ему, а он, остановив пролетку, благословлял народ. Возил владыку один и тот же извозчик. Властей раздражала любовь народа к Архиепископу Фаддею. Часто бывало, когда извозчик подъезжал к дому владыки, к нему подходил чекист и говорил: — Не езди больше с владыкой, а то мы тебя убьем. Незадолго перед своим арестом Архиепископ Фаддей сказал извозчику: — Не бойся, смерти не надо бояться, сегодня человек живет, а завтра его не будет. Не прошло и недели после этого разговора, как извозчик скончался ([11], с. 6).

1936 год. Власти отбирали у православных последние храмы. Обновленцы ездили по Тверской епархии, требуя от настоятелей храмов передачи их обновленцам. Но духовенство, хорошо зная своего архиепископа-подвижника и его наставления относительно обновленцев, не поддавались ни на уговоры, ни на угрозы. 29 сентября 1936 года власти лишили Архиепископа Фаддея регистрации и запретили ему служить, но владыка продолжал служить в последнем храме за Волгой.

Власти продолжали гонения на православных. Отобрали Вознесенскую церковь, Архиепископ перешел служить в Покровскую; после того как и ее отобрали, он ездил в храм иконы Божией Матери "Неопалимая Купина". Когда закрыли и этот, владыка стал ездить за Волгу в единоверческий храм, где служил во все воскресные дни и в праздники.

В декабре 1936 года митрополит Сергей назначил на Тверскую кафедру архиепископа Никифора (Никольского), но признание Архиепископа Фаддея великим праведником было столь безусловно, что духовенство епархии по-прежнему сносило с ним, как со своим правящим архиереем.

Летом 1937 года начались массовые аресты. Многие из духовенства и мирян во главе с жившим на покое епископом Григорием (Лебедевым) были арестованы в городе Кашине и расстреляны. Было арестовано почти все духовенство Твери и области. Следователи расспрашивали об Архиепископе Фаддее. Священник села Ерзовка Митрофан Орлов после долгих и мучительных пыток в октябре 1937 года согласился подписать любые составленные следователем протоколы допросов, даже и те, в которых возводилась клевета на архиепископа Фаддея. Вызывались в НКВД в качестве свидетелей и обновленцы, которые давали показания против Архиепископа ([6], с. 201).

20 декабря, около восьми часов вечера, сотрудники НКВД пришли арестовать Архиепископа Фаддея [12]. Перерыли весь дом, обыскивали до пяти часов утра, но ни денег, ни чего-либо ценного не нашли.

— На что же вы живете? — спросил один из них. — Мы живем подаяннем, — ответил Архиепископ.

Взяли панагию, кресты, потир, дароносицу, облачение, двадцать семь штук свечей, тридцать четок, духовные книги, тетради с записями Архиепископа, официальные циркуляры Московской Патриархии, фотографии, два архиерейских жезла.

На допросах в тюрьме Архиепископ Фаддей держался мужественно. Следователи добивались узнать, как и кто помогал ему материально. Он отвечал:

— Материальная помощь передавалась мне лично в церкви в виде добрых подношений, фамилии этих лиц я назвать не имею возможности, так как их не знаю.

— Ваши показания ложны. Средства вам передавались не в церкви. Следствие располагает данными об использовании по сбору средств среди ваших знакомых малолетних детей, школьников.

— Я отрицаю указанные факты и категорически заявляю, что я не использовал для сбора мне средств на прожитие малолетних детей. Средства мною получались, как я указывал, в церкви.

— Кто вами был назначен благочинным в Ново-Карельский район?

— В 1935 году мною был назначен Орлов Митрофан.

— Изложите подробно, какой разговор на политические темы у вас был с Орловым Митрофаном перед его отъездом в село Ерзовка.

— Вел ли я какой-либо разговор на политические темы, не помню.

— Какие задания антисоветского характера вы давали Орлову Митрофану?

— Антисоветских заданий я не давал, а наоборот, мной ему давались указания о том, чтобы он действовал в соответствии с существующими законами.

— Показание ваше ложно. Следствием установлено, что вы давали Орлову Митрофану задание об организации контрреволюционной деятельности.

— Показания, данные следователю, являются правдивыми. Мною никогда никаких контрреволюционных заданий не давалось.

— Вы арестованы за контрреволюционную деятельность... Признаете ли себя виновным?

— В контрреволюционной деятельности виновным себя не признаю, — твердо ответил Архиепископ ([13], л. 10 об. — II об.).

Недолго пробыл владыка в тюрьме, но и в эти последние дни ему пришлось претерпеть множество унижений. Тюремное начальство поместило владыку в камеру с уголовниками, и те насмеялись над ним, старались его унижить.

И тогда Мать Божия Сама заступилась за Своего праведника. Однажды ночью Она явилась главарю уголовников и грозно сказала ему: — Не трогайте святого мужа, иначе все вы лютой смертью погибните.

Наутро он пересказал сон товарищам, и они решили посмотреть, жив ли еще святой старец. Заглянув под нары, они увидели, что оттуда изливается ослепительный свет, и в ужасе отшатнулись, прося у святителя прощения.

С этого дня все насмешки прекратились и уголовники даже начали заботиться о владыке. Начальство заметило перемену в отношении заключенных к владыке, и его перевели в другую камеру.

Все эти бывшие заключенные остались живы. Один из них, оказавшись перед финской войной на призывном пункте в Торжке, рассказал о том случае Александру Пошехонову, узнав, что тот верующий ([2], с. II).

Через десять дней после ареста Архиепископ Фаддей был приговорен к расстрелу. Он обвинялся в том, что "являясь руководителем церковно-монархической

организации, имел тесную связь с ликвидированной церковно-фашистской организацией в г. Кашине (участники которой в числе 50 человек приговорены к высшей мере наказания) давал задания участникам на организацию и насаждение церковно-монархических групп и повстанческих ячеек, по Карельскому национальному округу через своего посланца Орлова Митрофана, осужденного к ВМН — расстрелу, осуществлял руководство по сбору средств на построение нелегального монастыря и руководил организацией систематической агитации" ([14], л. 45). Святитель Фаддей был казнен 31 декабря 1937 года ([15], л. 46).

Рассказывают, что его утопили в яме с нечистотами. После его смерти тюремный врач предупредила верующих, что вскоре владыку повезут хоронить. 2 января 1938 года. Около четырех часов дня. Скоро будет смеркаться, но еще светло. Со стороны тюрьмы через замерзшую Волгу двигались сани по направлению к кладбищу. На кладбище были в это время две женщины. Они спросили: — Кого это вы привезли?

— Фаддея вашего привезли! — ответил один из них.

Тело владыки было завернуто в брезент, но в выкопанную неглубокую яму его опустили в нижней одежде.

Весной после Пасхи 1938 года женщины вскрыли могилу и переложили тело Архиепископа в простой гроб. Одна из женщин вложила в руку владыке пасхальное яйцо. На месте могилы был поставлен крест и на нем сделана надпись, но вскоре он был уничтожен властями ([6], с. 202). Прошло много лет. Храм, стоящий на кладбище, был разрушен, снесена и уничтожена большая часть памятников и крестов, и точное место могилы Архиепископа Фаддея было забыто.

Все эти годы верующие Твери хранили память о владыке Фаддее и о его могиле. По благословию архиепископа Тверского и Кашинского Виктора иеромонах Дамаскин предпринял попытку обнаружить останки владыки Фаддея. Одна из верующих, долгое время занимавшаяся этими поисками, Ю. Е. Топоркова, осенью 1990 года нашла точное место захоронения владыки. Экспертиза, проведенная в Москве, подтвердила, что найденные останки принадлежат владыке Фаддею [16].

В 1991 году Синодальная Комиссия по изучению материалов, относящихся к реабилитации духовенства и мирян Русской Православной Церкви, получила сведения из Тверской прокуратуры о реабилитации Архиепископа Фаддея (Успенского) ([2], с. II).

26 октября 1993 года, в праздник Иверской иконы Божией Матери были обреты честные останки архипастыря-мученика, которые находятся ныне в Вознесенском соборе города Твери. В Твери есть люди, которые помнят святителя Фаддея по Твери, Астрахани и другим местам его службы. Это, в частности, Аркадий Ильич Кузнецов.

Из воспоминаний А.И. Кузнецова.

"Я взял на себя непосильный труд воспроизвести на бумаге облик Архиепископа Фаддея (Успенского), заранее зная, что этого сделать не могу: не хватит писательского таланта. Перед мысленным взором того, кто прочтет эти записи, я должен воссоздать образ человека необычайной монашеской красоты: мистического склада души, аскетических подвигов, ревностного, до самоотверженности, отношения к Церкви, смирения, кротости, беспредельной доброты и любви к людям. Какая-то необычайная гармония царила во всем существе этого человека. Я чувствовал эту гармонию, соприкасаясь с ним; она явственно мне слышится и сейчас, когда я пишу эти строки. Но как передать ее тем, которые не видели его? Для этого нужно владеть огромным художественным воображением.

Не так много прошло со времени его кончины, но обычное среди людей забвение вступает и по отношению к нему в свои права. Образ его тускнеет, расплывается в отрывочных воспоминаниях, хотя и рисуется в верных очертаниях тем, кто знал его лично и знает со слов других. И уходит, таким образом, из памяти верующего общества замечательный русский человек, которому был дорог родной народ и Святая Церковь, которую он любил до самозабвения. Именно вот эти кусочки его жизни, из которых я решился воссоздать его образ, помогут задержать Архиепископа Фаддея (Успенского) в памяти, не дадут ему уйти совсем и отдадут его под покровительство современного и будущего поколения людей, которые не утратили и не утратят способности распознавать в людях прошлого их величайших нравственных качеств и уважения к ним.

Владыку Фаддея (Успенского) считали святым, — и эта репутация святости создавалась не только верующими-астраханцами; в кругах иерархических о нем отзывались точно так же.

Аскетический строй жизни, разумеется, сохранился у владыки и во времена служения его в Астрахани. Может быть, его духовные дарования здесь даже стали выше и глубже, если, рассуждая по-человечески, учесть, что покинув Владимиро-Волынскую кафедру, он на протяжении почти пяти лет, с небольшим перерывом, был лишен свободы. Сознание ответственности от жизни, от людей, которым он служил своими монашескими идеалами, житейская скорбь, естественно, должны были углубить в нем чувство самоотрешенности и проявиться в высшей форме. Во всяком случае, астраханцы увидели в нем всю необычную красоту монашеского духа, духовного созерцания и богомыслия. Именно таким предстает владыка Фаддей (Успенский) в памяти тех, кто его знал и видел.

Я неоднократно испытывал непонятное состояние грусти от встречи с владыкой Фаддеем. Смирение, детская незлобивость души, застенчивая улыбка этого святого человека волновали меня, покоряли мое воображение и открывали в нем для моего внутреннего созерцания неисчерпаемые источники человеческих добродетелей. Но вот мы расставались с ним, и мне становилось грустно.

Мне представлялось, что монашеский строй жизни выработал у владыки Фаддея (Успенского) познание, что помимо монашеского духа — созерцания и богомыслия, его внешняя миссия как епископа должна состоять в постоянной апостольской связи с народом, в назидании верующего сердца. Все остальное приложится. Именно такое чисто духовное управление душами верующих, составляющих тело Церкви, импонировало внутреннему убеждению владыки. И не случайно говорил он часовые проповеди за каждым богослужением, вел беседы за акафистами, объяснял Священное Писание, предпринимал апостольские поездки по епархии.

И верующие люди, следовавшие за ним тысячами, видели в нем не только отрешенного от всего мирского, святого человека, но и своего духовного вождя — внешний притягательный центр...

Я был у владыки Фаддея в Твери в 1931 г., затем в январе 1933 года. В Твери, как и в Астрахани, владыка был окружен всеобщей любовью верующих. Зримо ощущал я эту любовь в несметной массе богомольцев за его богослужениями. И сам владыка отвечал народу любовью, единением с ним, каждодневным посещением храмов, постоянными проповедями и поучениями, самоотверженным служением Церкви.

Скорбью легло на мою душу известие о кончине владыки. Тем сильнее была эта скорбь, что владыка скончался в тяжелых условиях заключения. Верующие знают, что переселился этот подвижник веры в лучший мир. Но говоря о смерти, я не встречал человека более живого, чем владыка Фаддей. Трудно представить, что его нет среди нас, среди верующих, окружавших его святой любовью. Он живой, потому что живет в памяти современников, как пламенный провозвестник Христовой Истины, как апостол, как человек, не знавший других интересов, кроме интересов Церкви. В унижении, гонениях, узах, но в величии духа и нестигаемой воли стоит он на Божественной страже в нашем живом сознании и указывает путь в жизнь лучшую, вечную. Он животворил в людях христианский дух — в этом его память и бессмертие" (II, с. 6).

Воспоминания М. Смылова

"С восторгом и радостью прочитал я записки Аркадия Ильича о владыке Фаддее (Успенском). Образ этого необыкновенного человека, который был близок мне и моей семье, предстал передо мною во всем величии и красоте. Многое из того, что содержится в записках, мне неизвестно лично и особенно та часть, в которой упоминается о ежедневных богослужениях и проповедях приснопамятного владыки. Не могу не вспомнить тысяч благоговейных богомольцев, неизменно присутствовавших на его богослужениях и огромной толпой сопровождавших его из церкви домой.

В сознании верующих он был окружен ореолом святости. В этой связи не могут забыть такого события. В единоверческом храме идет литургия. Владыка Фаддей стоит с чашей и преподает Святые Тайны. Верующие один за другим подхо-

дят к Чаше. Но вот неожиданность: владыка отстраняет от Чаши молодую девушку и с волнением что-то говорит ей. Девушка в слезах и в какой-то растерянности уходит с амвона, ее окружают, спрашивают о случившемся, и она рассказывает, что вчера держала пари с подружками, что может причаститься без исповеди, но вот сегодня, едва подошла к Чаше, как неожиданно услышала от владыки: "Отойдите в сторону и не делайте греха; поисповедайтесь сначала..." Я помню и эту плачущую, растерявшуюся девушку и то огромное, потрясающее впечатление от ее рассказа. Девушка эта впоследствии стала глубоко верующей и часто рассказывала людям об этом случае.

Помню я этого чудесного человека и молюсь об упокоении его святой души в обителях Отца Небесного" ([8], с. 358).

Воспоминания А.А. Соловьева

"В то время я ходил в церковь довольно редко, обычно на богослужения, совершавшиеся владыкой Фаддеем. Они производили на меня глубокое впечатление. Особенно памятно мне, с какою умиленной кротостью, с каким искренним глубоким религиозным чувством он возглашал: "Услыши ны. Боже, Спасителю наш, упование всех концов земли и сущих в море далече". Когда я впервые это услышал, то был совершенно потрясен, ибо я совершенно ясно слышал не богослужебный возглас, но обращение владыки к Богу, как предстоящему перед ним живому Существо. И вообще все богослужение владыки производило впечатление живой, непосредственной его беседы с Богом. Это ощущалось не только мною, но и многими, а возможно и всеми.

В домашней обстановке мне пришлось видеть владыку Фаддея всего один раз у священника И. (Иоанна — Сост.) — Златоустовской церкви о. Федора Лебедева. Не помню, о чем говорили за столом. Владыка казался спокойно сосредоточенным и как бы несколько отчужденным от всего окружающего, казалось, что он находится в ином плане бытия, и это представлялось наиболее необычным для него, как архиерея и как человека. Это впечатление необычности владыки было таким же всеобщим, как и умиление перед его личностью, возбуждавшее всеобщую любовь к нему.

При таком епископе, каким был владыка Фаддей, обновленцы не могли, конечно, иметь никакого внутреннего успеха, так как вся ложность их отношения к Церкви становилась совершенно очевидной при сопоставлении с отношением к Церкви истинного архипастыря, каким был приснопамятный владыка Фаддей.

В этой связи мне вспоминается интересный факт. В 1925 году обновленческий "митрополит" Александр Введенский читал во всех городах по Волге свои лекции и вел диспуты. Одновременно на местах он проводил политику укрепления обновленчества. О своей поездке Введенский поместил очерк в журнале "ВЦУ". В нем он писал, что в Астрахани ничего нельзя сделать для церкви, пока там сидит епископ фанатик Фаддей (Успенский)". Конечно, правильнее было бы ска-

зять, что в Астрахани нельзя причинить вреда Церкви, пока там такой дивный епископ Фаддей.

В 1928 году владыка Фаддей управлял Саратовской епархией и там в самое короткое время приобрел такую же всеобщую любовь. Вечная память светлому Ангелу нашей Святой Церкви!" ([8], с. 361-362).

В связи с возрастающим почитанием архиепископа Фаддея в Тверской епархии архиепископ Тверской и Каширский Виктор 24 апреля 1991 года направил письмо председателю Синодальной Комиссии по канонизации святых митрополиту Крутицкому и Коломенскому Ювеналию с просьбой о возможности причисления к лику святых святителя Фаддея (Успенского) [17]. Но для решения этого вопроса, по словам митрополита Ювеналия, "необходимо было привлечь еще более обстоятельные данные" ([21], с. 1).

О современном почитании святителя Фаддея свидетельствуют настоятель Успенского собора г. Твери протоиерей Владимир Лебедев, Зинаида Ивановна Волнухина и Антонина Петровна Михайловна.

"По поводу почитания памяти убиенного Архиепископа Тверского Фаддея, — пишет протоиерей Владимир, — могу сообщить следующее.

В 1985 году благочестивые прихожанки собора "Белая Троица" пригласили меня посетить могилку владыки Фаддея, где я совершил панихиду. Затем на ней был восстановлен металлический крест и сделана надпись под стеклом.

Позже еще несколько раз посещал могилку и служил панихиды. Прихожанки (не помню кто) рассказывали, что люди узнали об убийстве архипастыря и ждали, когда его тело вывезут из тюрьмы. Тело везли на телеге в сопровождении охраны с оружием. Тело лежало завернутым в брезент, так и бросили его в яму, не обозначив захоронения. Но люди тут же молились об усопшем и запомнили место" [18].

8 мая 1996 г.

В своем письме к архиепископу Тверскому и Кашинскому Виктору Волнухина З.И. и Михайлова А.П. сообщают следующее:

"С великой радостью узнали мы о Вашем намерении поднять вопрос о канонизации Архиепископа Тверского и Кашинского Фаддея, которого мы знали и любили.

О владыке Фаддее можно было бы говорить много, ибо жизнь его была проникнута любовью и благочестием. При общении с ним каждый чувствовал исходящую от него благодать; во время совершаемых им богослужений мы ощущали себя как бы воспарящими в горные высоты. Кто бы ни обращался к нему из страждущих, не оставался без духовной поддержки и материальной, когда тре-

бовалось, помощи. Святость владыки Фаддея не вызывает у нас сомнений. Простите и благословите, Ваши духовные чада

1/111-1996 г. Волнухина З.И. и Михайлова А.П." [19]

Почитает верующий народ Архиепископа Фаддея и в Астраханской епархии. Об этом свидетельствует епископ Астраханский и Енотаевский Иона в своем письме к председателю Комиссии по канонизации святых митрополиту Крутицкому и Коломенскому Ювеналию. "Благоговейную память о владыке Фаддее Успенском до сих пор хранят астраханцы, вписывая его имя в первую строчку своих помянников, а его фотографии и сейчас можно увидеть во многих домах, под святыми образами" ([20], с. 8).

Архиепископ Полтавский и Кременчугский Феодосий в своем письме к архиепископу Тверскому и Кашинскому Виктору 23 октября 1996 года свидетельствует:

"В мою бытность Астраханским епископом я слышал от многих прихожан самые восторженные отзывы об Архиепископе Фаддее. Он был ревностным служителем алтаря Господня, твердым в Православии, простым в обхождении; был смирен до зела, большой молитвенник и постник.

Закончил свою жизнь он мучеником в ссылке. Думаю, что его можно причислить к лику святых Русской Православной Церкви" [22].

Сохранилась память о владыке Фаддее и в Саратовской епархии, где он проходил свое архипастырское служение в 1927-28 годах. Об этом свидетельствуют материалы, присланные председателю Комиссии по канонизации святых митрополиту Крутицкому и Коломенскому Ювеналию архиепископом Саратовским и Вольским Александром [24]. В этих материалах, в частности, содержатся воспоминания двух женщин, близко знавших владыку в Саратовский период его служения. Так, В.А. Артемьева вспоминает о богослужениях, которые совершал Архиепископ Фаддей: "Службы совершал долго, литургию с 10 до 3 часов дня. Служил много, все воскресные праздничные всенощные и литургии, акафисты, праздники святых. Был отличный проповедник, каждую службу говорил проповеди, так что дети стояли и не уставали. Его при жизни считали святым". О диспутах с атеистами в Саратове, в которых владыка Фаддей явил себя подлинным исповедником Христовым, пишет А.М. Тренина: "В доме Красной Армии в 6 часов вечера собралось много народа разных возрастов. Докладчик — атеист — пришел раньше всех, ожидая архиерея Саратовской епархии. Открывается дверь, входит высокочтимый человек в священной одежде, прогремели аплодисменты. На кафедру входит ярый коммунист и несет всякую чепуху о жизни Христа... После него выступает с речью владыка — это и был Фаддей, который стоял во главе всех церквей Саратовской области. В своей речи с Крестом и Евангелием в руках он разъяснял присутствующим, Кто же такой Христос. В зале была глубокая тишина. Из Евангелия было много прочитано о сущности Христа, о Его истине. Много задавалось вопросов, и отец Фаддей отвечал на

них и устно, и обращаясь к Евангелию и Кресту. Когда истекло время и закончилась беседа, докладчик-атеист был посрамлен, а отцу Фаддею преподнесли массу цветов и благодарностей. Эти диспуты продолжались почти до Пасхи".

7 мая 1996 года архиепископ Тверской и Кашинский Виктор обратился к митрополиту Ювеналию с просьбой: "вновь рассмотреть вопрос о канонизации Архиепископа Фаддея". ([21], с. 1).

"Основательным и характерным, полагаю, — пишет в своем письме архиепископ Виктор, — установившиеся со дня кончины непроизвольное, никем не организованное почитание имени и образа владыки — мученика как святого. Эта растворимая и дрящящая во времени благочестивая народная традиция, особенно проявляется сейчас, когда многие приходят в Вознесенский собор, чтобы поклониться гробнице, в которой почивают останки новомученика, поставить свечу или совершить заупокойную литию" ([21], с. 1-2).

О молитвенном предстательстве святителя Фаддея свидетельствуют и чудеса, совершаемые в настоящее время. Об одном из них сообщается в письме к архиепископу Тверскому и Кашинскому Виктору [23] /X-96 г. прихожанкой Вознесенского собора г. Твери Бабаловой Л.В.: "Ваше Высокопреосвященство!

Христианский долг понуждает писать о событии, происшедшем лично со мною. Случилось это прошедшей зимой, в середине декабря.

Милостию Божией довелось мне терпеть скорби и молить Бога о помощи в исцелении. Только захотел Господь прославить своего святого и по его молитвам послал мне утешение, после чего святой явился в своем земном образе: в облачении иеромонаха, в черной мантии, клобуке с наметкой, с золотым крестом на груди. Сначала он приложился устами к иконе Божией Матери, находившейся слева от него, затем повернул свое лицо ко мне и слегка поклонился. Мысленно благодаря, старались узнать и запомнить лицо святого. Вечером того же дня поехала в храм Вознесения Господня, поднялась наверх и сразу увидела икону святителя Фаддея и поняла, что это он, своими молитвами поддержал, когда мне было очень плохо. После окончания службы я с благоговением приложилась к раке с мощами и почувствовала исходящую от них благодать.

После этого случая мне захотелось обратиться к святому Фаддею за помощью для моих близких. Он действительно помогал своими молитвами и явился мне уже в небесной славе и образе золотокудрого юноши в сверкающих светом одеждах.

О чем свидетельствую и представляю на Ваш суд, благодаря милость Господа и Пресвятой Богородицы! С почтением

Раба Божия Людмила. 23.10.1996 г. г. Тверь.

Все эти свидетельства о праведной жизни, дарах чудотворения, аскетических подвигах молитвенника и исповедника Архиепископа Фаддея, совершавшего свое святительское служение в разных епархиях Русской Православной Церкви — Астраханской, Саратовской, Тверской, — всюду, где он почитается поныне, являются живым подтверждением святости Божия избранника, пролившего кровь свою за Христа и Его Святую Церковь.

Примечания

- [1] Дамаскин (Орловский), иеромонах. Архиепископ Фаддей (Успенский) — "Москва", июль, 1996, с. 196-206.
- [2] Дамаскин, иеромонах. Смерти не надо бояться. Священномученик Фаддей, архиепископ Тверской — "Московский церковный вестник", июнь, 1991, с. 11.
- [3] Протокол допроса Успенского Ивана Васильевича. Центральный архив федеральной службы безопасности Российской Федерации. Дело по обвинению Успенского И.В. Архив № Н-1539, л. 1-4.
- [4] Заявление православного населения г. Житомира в Волгубчека. ЦАФСБ Российской Федерации. Дело по обвинению Успенского И.В. Архив № Н-1539.
- [5] Выписка из протокола Заседания Коллегии ГПУ (судебное) от 4 сентября 1922 года. ЦАФСБ Российской Федерации. Дело по обвинению Успенского И.В. Архив № Н-1539, л. 10.
- [6] Дамаскин (Орловский), иеромонах. Архиепископ Фаддей (Успенский). — "Москва", август, 1996, с. 192-203.
- [7] Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея Руси. Сретенский монастырь. Фонд Патриарха Тихона. М., 1995.
- [8] Губонин М.Е. Патриарх Тихон и история русской церковной смуты. Книга 1. Издательство "Сатис". СПб, 1994.
- [9] Сохранились три проповеди, произнесенные архиепископом Фаддеем (Успенским) в г. Астрахани. Они помещены в кн.: Губонин М.Е. Патриарх Тихон и история русской церковной смуты. Кн. 1. СПб, 1994, с. 338-357.
- [10] Архиепископ Фаддей. 24 зерна истинного разума, собранные из духовной сокровищницы Священного и священноотеческого Писания для желающих себе духовной пользы. (Архив архиепископа Тверского и Кашинского Виктора).
- [11] Л. Дамаскин, иеромонах. Светильники веры. Фаддей. — "Тверские ведомости", №65, 1994, 2 — 8 сентября, с. 6.

- [12] Анкета арестованного Успенского Ивана Васильевича. Центральное Управление федеральной службы Российской Федерации по Тверской области. Дело по обвинению Успенского И.В. Архив 20712-С, л. 5, 5 об.
- [13] Протокол допроса Успенского Ивана Васильевича. Центральное Управление федеральной службы Российской Федерации по Тверской области. Дело по обвинению Успенского И.В. Архив 20712-С, с. 9, 9 об, 10, 1006, 11, 11 об.
- [14] Выписка из Протокола Тройки. ЦУФСБ Тверской области. Дело по обвинению Успенского И.В. Архив 20712-С, л. 45.
- [15] Выписка о приведении в исполнение постановления Тройки У НКВД по Калининской области 31/Х11-1937 г. ЦУФСБ по Тверской области. Дело по обвинению Успенского И.В. Архив 20712-С, л. 46.
- [16] Акт судебно-медицинского исследования № 2 фТ костных останков и фотографий архиепископа Тверского Фаддея (Успенского), произведенного по запросу архиепископа Тверского и Кашинского Виктора — физико-техническим отделом Научно-исследовательского института судебной медицины Министерства Российской Федерации с 2/Х1-93 г. по 15/111-1994 г. (Архив архиепископа Тверского и Кашинского Виктора).
- [17] Письмо председателю Комиссии Священного Синода по канонизации святых митрополиту Крутицкому и Коломенскому Ювеналию от архиепископа Тверского и Кашинского Виктора от 24.4.1991 года.
- [18] Письмо настоятеля Успенского собора г. Твери протоиерея Владимира Лебедева архиепископу Тверскому и Кашинскому Виктору от 8 мая 1996 г.
- [19] Письмо архиепископу Тверскому и Кашинскому Виктору от духовных чад Зинаиды Ивановны Волнухиной и Антонины Петровны Михайловой от 1/111-1996 г.
- [20] Письмо № 82 председателю Комиссии Священного Синода Русской Православной Церкви митрополиту Крутицкому и Коломенскому Ювеналию от епископа Астраханского и Енотаевского Ионы 1996 г.
- [21] Письмо № 113 архиепископа Тверского и Кашинского Виктора председателю Комиссии Священного Синода по канонизации святых митрополиту Крутицкому и Коломенскому Ювеналию от 7.5.1996 г.
- [22] Письмо архиепископа Полтавского и Кременчугского Феодосия к архиепископу Тверскому и Кашинскому Виктору от 23.X. 1996 г.
- [23] Письмо № 478 председателю Комиссии Священного Синода по канонизации святых митрополиту Крутицкому и Коломенскому Ювеналию от архиепископа Тверского и Кашинского Виктора от 29 октября 1996 года.

[24] Письмо № 394 председателю Комиссии Священного Синода по канонизации святых митрополиту Крутицкому и Коломенскому Ювеналию от архиепископа Саратовского и Вольского Александра.